

А.А. Гусейнов

«...Действительно дерзко»¹

В докладе В.И.Бакштановского, Ю.В.Согомонова, В.А.Чурилова «Российская идея успеха: введение в гуманитарную экспертизу» развивается концепция, именуемая авторами этикой успеха. Словосочетание «этика успеха» сразу вызывает подозрительную настороженность. Обычно этика понимается как бескорыстие, *само-отвержение*, а успех – как умение жить, *самоосуществление*. Принято считать, что добродетель рождается в хлеву и ходит в лохмотьях, что она не от мира сего, а успех владеет всем лучшим и приятным в мире, всесторонне торжествует в нем. Они противостоят друг другу, как бедный рабби и наместник кесаря. И если уж кому-то не повезло родиться в роскоши царского дворца, то, чтобы исправить «несправедливость» судьбы и стать на стезю добродетели, ему надо, как Будде, покинуть дворец, уйти в бездомность. Словом, этика и успех ходят разными путями. При чтении доклада убеждаешься, что для его авторов это противопоставление является вымученным, надуманным. Оно может родиться только в воспаленном сознании, которое не считается с реальностью, возникнуть из любви к логическим парадоксам, но никак не из любви к истине. Оно – позиция слабых, неудачников, аутсайдеров, которые всего лишь делают хорошую мину при плохой игре, и, не умея решительно утвердить себя в жизни, впадают в утешительный самообман, будто они и не хотели этого, так как у них другие, более высокие и чистые цели. Оно – порождение отчаяния, а не ответственного отношения к себе и жизни.

На самом же деле моральное бескорыстие нельзя доводить до абсурда, когда оно отождествляется с бездеятельностью, ибо в таком случае само желание жизни следовало бы считать корыстью. Точно так же в умении жить нельзя видеть сплошной цинизм, самодовольство тупой силы, тонкое коварство. Успех для авторов – это успешная (или, как они предпочитают иногда выражаться, «достижительная») деятельность, протекающая в профессиональных и других общест-

¹ Гусейнов А.А. «... Действительно дерзко» // Российская идея успеха: экспертиза и консультация. Этика успеха: Вестник исследователей, консультантов и ЛПР. С. 51-58.

венно санкционированных формах. Он не только не противостоит этике, но, напротив, связан с ней такой прочной связью, что без нее не может в подлинном смысле состояться.

Из названия второй части доклада мы узнаем, что притязания этики успеха являются дерзкими. Они и в самом деле таковы. Этика успеха претендует на то, чтобы быть определенной этико-нормативной программой человеческой деятельности. Противостояние морали и реальности – исходный пункт и основной вызов европейской этики. Начиная с Сократа, она задумалась над тем, откуда берутся высшие понятия добродетели, справедливости, мужества, получившие впоследствии название этических (моральных) понятий, что в реальном мире соответствует им? Убедившись, что они не укоренены в материальном мире и в то же время властвуют в сердцах людей, которые почему-то считают их самыми важными, ценными из всех вещей, философы должны были объяснить эту странную раздвоенность человеческого существования и, самое главное, им предстояло ответить на вопрос, как соединить одно с другим – верх и низ, небо и землю. Где тот мостик, по которому можно переходить от морали к реальности и от реальности к морали?

В ходе ответа на него были сформулированы разные нормативные программы нравственно достойной жизни. Одни считали, что синтез морали и реальности, добродетели и счастья достигается через философско-теоретическую деятельность, другие – через умение правильно наслаждаться, третьи – через самоотверженное служение ближнему, четвертые – через героическое вдохновение, пятые – через воздержание от суждений, шестые – через внутреннюю стойкость, седьмые – через правильно понятый личный интерес, восьмые – через пользу, и.д. Так появились этика созерцательного блаженства, этика удовольствия, этика любви, этика разумного эгоизма, этика героического энтузиазма, этика скептицизма, стоическая этика, утилитаристская этика и т.д. Теперь В.И. Бакштановский, Ю.В. Согомонов и В.А. Чурилов предлагают дополнить этот ряд этикой успеха. Действительно дерзко.

Понятие успеха в докладе расшифровывается с необычайной душевной щедростью и эклектической полнотой. Авторы – люди, умудренные научным и жизненным опытом – во всем занимают рассудительно-умеренную позицию, не любят ударяться об острые углы и потому срезают их. Они предвидят все возможные возражения и

заранее снимают их, включая содержащиеся в них «рациональные зерна» в собственное понятие успеха. От чего, от чего, но от упреков в односторонности они застраховались на сто процентов. Как они пишут, успех нельзя понимать просто как результат деятельности, он связан также со смыслом, мотивом, целью, средством. Его нельзя зауживать до пользы, выгоды, так как самоотдача также выражается в достижениях. Его неверно сводить к индивидуализму, так как успех может быть и коллективным; успех, конечно, связан с индивидуальной ответственностью, но индивидуальная ответственность и индивидуализм – разные вещи. Ограниченным является также его понимание как урезанности, приземленности личностных устремлений, успех – не просто вдохновение, а высшее вдохновение, позволяющее говорить о моральной «телеологии успеха». Нельзя также принять мнение, будто успех ограничивает личность внешней стороной, он связан также с внутренним развитием человека, его характера, добродетелей, вполне может рассматриваться как воплощение достоинства. Успех, как его понимают авторы, даже связан с толерантностью по отношению к тем, кто потерпел неудачу, отстал. Словом, доктрина этики успеха до такой степени конкретна, нравственно взвешена, преисполнена здравого смысла, что ее обязан принять всякий, кто считает, что добро лучше зла.

Слово «успех» по звуковому выражению является шумным, а по буквальному смыслу – резким: успех, целенаправленная спешка, когда человеку крайне необходимо что-то сделать к определенному сроку, успеть на похороны, к свадьбе, успеть первым занять очередь, попасть в учреждение до его закрытия, успеть продать те акции, которые падают в цене, и купить те, цена которых возрастает, успеть, чтобы предотвратить беду и т.д. и т.п. Когда он успевает, для чего ему чаще всего бывает необходимо напрячься, сжаться, иногда вспотеть, иногда умерить пыл и т.д., когда все это ему удается, он имеет успех. Приобретая под пером авторов доклада терминологический статус, это слово начинает звучать почти ласково, теряет линейную напряженность, становится круглым, мягким, уютным. В нем отзывается все многоголосье этики. Ему, как обнаруживает читатель, созвучен даже пафос стихотворения, Б. Пастернака, которое полностью воспроизводится в тексте доклада, включая и такие строки:

«Цель творчества – самоотдача,
А не шумиха, не успех».

И еще:

«Но поражения от победы

Ты сам не должен отличать».

Можно сказать: доктрина этики успеха застраховала себя от всех упреков нормативного свойства. Правда, остаются методологические упреки. Например, то, что авторы впадают в натуралистическую ошибку и, желая этику раскрыть через успех, они пользуются понятием успеха, которое заранее было насыщено этическим содержанием; поэтому-то, собственно, они принимают успех только в таких его проявлениях, которые могут получить моральную санкцию. Но такой упрек со времен Дж. Мура можно сделать всем содержательно-определенным этическим доктринам, исходящим из гедонистического, утилитаристского или любого иного материального принципа нравственности. Правда, и в этом случае авторы защищены – на этот раз жанром произведения. Они назвали свой доклад научно-публицистическим (замечу, что определение «публицистический» применительно к докладу тоже есть своего рода новинка, к которой сразу трудно привыкнуть, если учесть, что доклад обычно понимается как изложение неких результатов, достижений, итогов). Не научно-популярным, а именно научно-публицистическим. Это значит, что они решают научные проблемы в материале общественно-злободневных, публичных дискуссий. Они теоретизируют в терминах жизни: не просто излагают некую научную доктрину в форме, которая была бы понятна публике (тогда бы они писали научно-популярную брошюру), не просто подключаются к спорам публицистов (тогда бы они сами выступили как публицисты), не просто развертывают научную доктрину в соответствии с ее собственным содержанием (тогда бы они предложили монографию), а пытаются со знанием науки и с помощью ее инструментария подойти к решению практических проблем, потребность в решении которых стала публицистически заостренной доминантой общественного сознания.

Замысел авторов, предопределивший жанровую особенность их текста, – поднять жизненно злободневную, публицистически острую проблему до высоты научной солидности. А в публичной жизни, по крайней мере, в том виде, в каком мы ее знаем по нашему российскому опыту, концы не всегда сходятся с концами. Здесь могут быть предприняты действия, которые ни в коем случае не следовало предпринимать, здесь зачинщик войны может считаться миротворцем,

здесь могут быть два первых зама и т.п. К ней нельзя подходить с критериями формальной логики. Было бы также неверно предъявлять их к докладу, поскольку он является научно-публицистическим. Например, одна из четырех частей доклада имеет название: «Ценности этики успеха в контексте XXI века». Формально-придирчивый взгляд останавливается на слове «контекст». Контекст возможен там, где есть текст. А XXI век еще не наступил, и его текст пока не написан. На самом же деле, вовлеченные в обострившиеся на исходе столетия футурологические споры, мы понимаем, что исторический век не совпадает с хронологическим, и здесь речь идет о контексте тех текстов XXI века, которые написаны разного рода сценаристами (философами, политологами и др.). Одна из подрубрик в первой части называется: «Культура компромисса вполне адекватна ситуации конфликта версий национальной идеи». Строго говоря, латинское слово адекватный, означающее равный, совпадающий, употреблено здесь, конечно, не к месту. Однако, я думаю, каждый прочитает это место адекватно мысли авторов и поймет, что речь идет о культуре компромисса как нравственно адекватном средстве, позволяющем выйти из ситуации конфликта.

Мои замечания по докладу (а к ним меня вынуждает как частная в данном случае позиция эксперта, так и более общая в российском этическом сообществе репутация оппонента школы Бакштановского – Согомонова) касаются не его непосредственного содержания, а общего смысла доктрины. Говоря точнее, речь идет о следующем. Авторы заявляют свою доктрину на «конкурс» различных моделей, версий российской национальной идеи и не вообще национальной идеи, а ее ценностных оснований. Они придают ей мировоззренческий статус, говорят в этой связи о «метафизике успеха», «телеологии успеха», об успехе как «универсальном мотиве самоидентификации» и т.д. При этом исходят из некой для них самоочевидной аксиомы о конкурсе – диалоге идеологических доктрин, формулирующих мировоззренчески-ценностные основания жизни, полагая, что именно такой режим сосуществования мировоззрений определяет общую толерантную атмосферу современных цивилизованных обществ. Такой постановке проблемы, которая развернута в первой части доклада, хотя и не зафиксирована там столь резко, я и хочу возразить.

Для того чтобы выявить соответствующий духу современного общества тип связей между категориями «этика», «диалог», «миро-

воззрение», на мой взгляд, необходимо четко зафиксировать две разные проблемы:

1) диалог как возможный способ коммуникации на уровне и в пределах мировоззрений;

2) диалог как возможный способ коммуникации в обществе с различными социально значимо представленными мировоззрениями.

По первому пункту следует заметить, что никакого диалога мировоззрений не может быть, если, конечно, понимать диалог не в каком-то переносном смысле, как некое объективное историческое состояние, а прямо и буквально – как сознательный дискурс (речь в докладе идет именно о таком понимании, поскольку там говорится даже о некоей технологии преодоления идейно-нравственного раскола в обществе через институцию гражданского парламента). Этого не может быть по логическим соображениям, так как мировоззрение – всегда целостный, законченный в себе образ человека и мира. К специфически-отличительным признакам мировоззрения принадлежит то, что оно мыслит себя единственно истинным. Мировоззрение, сохраняя свое качество незаменимого духовного образования, не может допустить (даже гипотетически), что какое-то другое мировоззрение соразмерно ему по критерию истинности и потому достойно того, чтобы быть партнером равноправного диалога. Есть вещи, которые могут существовать только в единственном числе. Например, мать, нация. К ним же относится мировоззрение. У человека не может быть две религии. Если, скажем, он верит в последний суд, то он никогда не поверит в переселение душ. И он в качестве субъекта веры никогда не будет спорить (вести диалог) о том, не является ли другая вера лучше (истинней, предпочтительней), чем его. Ему здесь все абсолютно ясно. Это так же абсурдно, как, скажем, спорить о том, чья мать (именно в качестве матери, а не в каком-либо ином качестве) лучше – моя или господина Н. Или, еще нелепей, кто лучше – русские или «лица кавказской национальности». То, что претендует на абсолютность, равно самому себе и не подлежит сравнению между собой, взвешиванию на весах разума. Это относится если и не целиком к мировоззрению, то, по крайней мере, к его исходно-ценностному ядру. Понимаемое в таком смысле мировоззрение – не для спора, оно – для души.

Исторический опыт встреч мировоззрений по преимуществу был опытом конфронтации, чаще всего беспощадной, кровавой. Точ-

ное представление о характере коммуникации на уровне мировоззрений можно получить через взаимоотношения движений, в которых мировоззрения были основным движущим мотивом. Таковы крестовые походы. Таковы религиозные войны в Европе. Не только тогда, когда речь идет о разных религиозных мировоззрениях, но и о различиях внутри одного мировоззрения, этот опыт также является конфронтационным (сунниты и шииты в Ираке, протестанты и католики в Северной Ирландии).

Нерелигиозные мировоззрения также занимают по отношению друг к другу диспозицию вражды (коммунизм против либерализма, либерализм против нацизма, большевизм против социал-демократии и т.д.). Авторы доклада при рассмотрении национальной идеи исходят из безусловного отрицания ее этнонациональной версии. Как человек и гражданин я с ними полностью согласен. А как ученый хочу спросить: почему? Ведь этнонациональная версия национальной идеи существует и притом во вполне цивилизованных странах – например, в Германии или Израиле (как раз по логике этой версии российские немцы могут уезжать в Германию, а евреи – в Израиль). Если мы вместе с авторами доклада отвергаем этнонациональную версию российской национальной идеи, в силу которой она становится русской, то мы тем самым представителям этой версии даем право столь же категорично отвести нашу модель той же идеи, будь она либерально-гражданской, интернационально-социалистической, гибридной или какой-либо иной. Такой способ поведения вполне соответствует сути дела и означает только то, что мы ведем себя как идеологи, люди мировоззрения. Если представить разные мировоззрения в качестве движущих мотивов, а индивидов в качестве их персонификации, то отношения между последними будут отношениями отчужденности и вражды.

Колоссальный, поистине всемирно-исторический сдвиг в человеческой культуре, связанный с новоевропейской цивилизацией, состоял именно в том, что нормы практической коммуникации, прежде всего и главным образом нравственные нормы, были оторваны от их мировоззренческого (в первую очередь религиозного) обоснования. Терпимое отношение различных конфессий друг к другу было обеспечено тем, что они были разведены между собой и уже не встречались как конфессии.

Мировоззренчески мотивированная коммуникация была ограничена кругом лиц, исповедующих соответствующее мировоззрение. Говоря по-другому, мировоззрение стало частным делом (отделение религии от государства). Тем самым была выделена площадка – гражданское общество – как место и способ существования, где последнее слово принадлежит разуму, индивидуально ответственному поведению и коллективно вырабатываемым решениям. Это и есть пространство диалога, плюрализма, «гражданского парламента», если говорить языком доклада. Это – не диалог мировоззрений, а диалог людей, которые исключили из диалога мировоззрения в их неконвертируемой избирательно-ценностной основе, локализовав их на периферийных участках. В том и состоит их цивилизованность, толерантность, терпимость, что они могут общаться, спорить, мирно и взаимноуважительно сотрудничать, могут даже дружить, несмотря на разделяющие их мировоззренческие позиции и внутренние убеждения.

И этика (мораль), которая вырастает на этой обновленной цивилизованной почве, обогатилась культурой толерантности (компромисса, терпимости), есть другая этика. Она другая именно в том отношении, что ее нормы имеют иное – не метафизическое обоснование. Современный нравственный опыт есть опыт сотрудничества людей, которые верят в разных богов, ходят в разные церкви, исповедуют разные историсофские идеалы, принадлежат к разным этносам, но живут на одних лестничных площадках, летают в одних самолетах, посещают одни бары, работают в одних коллективах. И этот опыт, на мой взгляд, искажается, когда ведется речь о диалоге мировоззрений, идеалов, ценностей.

Рассмотрим такой пример. Христианин и мусульманин в своей вере придерживаются разных догматов: один считает, что Христос – и бог и человек, другой полагает, что человек ни при каких обстоятельствах не может быть богом. Спрашивается: могут ли они договориться по этому вопросу, могут ли вообще спорить, спокойно говорить между собой по его поводу? Никогда! Поэтому у них нет другого способа взаимоуважительного отношения и сотрудничества между собой, кроме как вынести этот вопрос за скобки их общения, полностью изъять его как предмет обсуждения, диалога, аргументированной критики и т.д.

При таком понимании вопроса, кстати заметить, лучше выявляется общезначимость этики успеха. Эта этика может стать одной из

нормативных скреп российского общества не потому, что она обретает статус некоего нового мировоззрения, символа веры. А именно по принципиально иному основанию – по той причине, что она мировоззренчески нейтральна, она образует некий коммуникативный инвариант, свойственный разным мировоззрениям, что она может быть понятна и верующим, и атеистам, и либералам, и социалистам и даже, между прочим, тем этнонационалистам, которые нам с авторами доклада так не нравятся.

В докладе развивается доктрина этики успеха, т.е. определенная моральная доктрина. Мораль, как мы знаем, конституируется через противопоставление добра и зла. Что же есть добро и зло в рассматриваемой доктрине? Добро – это успех со всеми теми конкретизациями, о которых говорилось ранее. А зло? Вот об этом в докладе нет ничего. Можно было бы подумать, что злом является нечто противоположное успеху. Оказывается, нет. Авторы подчеркивают и настаивают на том, что этика успеха проявляет толерантность по отношению к Альтернативным ориентациям, в том числе и к тем, которые исходят из идеала недеяния, пассивности. Конечно, трудно представить себе сторонника швейцеровской этики благоговения перед жизнью, который проявлял бы толерантность к позиции отрицания жизни, или кантианца, который бы полагал, что долг как мотив может обнаружиться через склонности. Этими сравнениями я не хочу подчеркнуть некую ущербность или недодуманность доктрины этики успеха. Я хочу лишь еще раз показать, что, как явствует даже из самого доклада, на самом деле этика успеха не может претендовать на метафизически обоснованную, мировоззренчески аргументированную категоричность.

Во вступлении к докладу авторы, пользуясь почти Спинозовским языком, обращаются к нам со следующими словами: «Не сочувствия, снисхождения и милости мы ожидаем, а понимания того, что в один прием просто невысказано даже понять (кстати, почему “даже”? Что может быть в научном докладе больше, чем “понять”? – А.Г.) весь массив проблем». Отвечаю: в моем лице Вы нашли полное понимание. Более того: я не только понимаю, что Вы не могли в обозначенных рамках сделать все, я еще удивляюсь тому, как все-таки много Вы успели сделать.